

СУМАСШЕДШИЕ ИСТОРИИ

ВАДИМ ФЕДОРОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Федоров

Сумасшедшие истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64849931

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97346-6

Аннотация

Рассказы, написанные в разное время. Объединяет их одно – взаимоотношения между мужчиной и женщиной.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Справка	4
Мыльная опера	12
Посылки	18
Виагра	22
Часики	28
Бананы	32
«Импераиал»	39
Ленка	47
Серёжки	61
Костюм	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Вадим Федоров

Сумасшедшие истории

Справка

Как я её хотел. Как желал. Голова шла кругом, так хотелось её... Шутка ли, полтора месяца воздержания. А я здоровый мужик, 39 лет. Самый активный возраст... Но нет. Она не соглашалась. Или, как сказали бы мои друзья, не давала. Но я с ними её не обсуждал. Потому что не хотел её обсуждать. А просто хотел её и всё тут. До головокружения. Желал.

Она была свободна. Я с недавнего времени тоже. Казалось бы, в чём проблема? Но нет. Она говорила: «Нет. Я ещё не готова». И я ждал. Стиснув зубы. Ждал, когда она будет готова.

Ухаживал, естественно. Я умею красиво ухаживать. Тем более за женщиной, которую хочешь и которую любишь. Цветы, милые подарки, смски и незапланированные праздники. Всё было. Даже с избытком. Выкраивал время от работы, мчался через весь город. В дверях ждала её дочка, которая через неделю моих ежевечерних захаживаний на огонёк, забравшись ко мне на коленки и глядя прямо в глаза, спросила:

– Можно, я буду называть тебя папой?

– Можно, – ответил я. И сердце ухнуло куда-то вниз.

Так что на пороге меня встречала наша дочка Алёнушка и гадала, что я сегодня необычного привёз ей в подарок.

Вот такая была странная ситуация. Приезжал, как домой, но ночевал у себя. На съёмной квартире. Один. Естественно, проблемы не было затащить в свою холостяцкую берлогу на одну ночь какую-нибудь знакомую одинокую девушку. Но я любил её. Я считал, что это моя будущая единственная и неповторимая жена, и ждал.

Целовались, обнимались, не без этого. До одури. Казалось, ещё чуть-чуть, и падут оковы. НО... в самый последний момент она отстранялась и говорила:

– Сейчас Алёнка уже домой придёт, потерпи. Не сегодня.

Или ещё какая причина была. Но обычно прикрывалась дочкой. Хотя дочка звала меня папой.

И я, как тупой телёнок, убирал руки с её груди и ждал. Ждал, ждал, ждал... Полтора месяца. Пока не поставил вопрос ребром. Напомнил, что нам почти по 40. Что мы вообще-то планируем семью. Что уже и квартиру трёхкомнатную подобрали. Я был горяч и убедителен. Шутка ли – полтора месяца без женщины.

Она меня внимательно выслушала, вздохнула и сказала:

– Мне нужна от тебя справка.

– Какая справка? – не понял я.

– О венерологических заболеваниях, – буднично поясни-

ла она, – о том, что ты ничем не болеешь. Я жуткая трусиха насчёт всех этих болезней. А у меня тут дочка, Алёна. И я боюсь, вдруг у тебя что-то есть и ты нас заразишь.

Было впечатление, что по голове чем-то ударили. Мягким и тяжёлым. И её слова так же тяжело падали на онемевший затылок. Молоточками. Маленькими деревянными молоточками. С войлочными подкладками. Как в пианино.

– Да, да, – отозвался я, – я всё понимаю.

Наскоро попрощался и уехал домой. Ночевать. Один.

Утром, после завтрака, позвонил приятелю. Поговорили о погоде, о том о сём. В конце разговора спросил его о медицинской фирме, что проверяет на наличие паскудных болезней. Он в прошлом году умудрился из отпуска привезти хламидий: привез и принялся лечиться – пока его жена с детьми гостила у мамы. К приезду супруги его полностью вылечили, и он о фирме, которая оказала ему лично и всей его семье неоценимую услугу, отзывался только в восторженных тонах.

– Дык они переехали, – сказал он, – на соседнюю улицу. С Картаузской на Лидицку 30. А тебе зачем?

– Да не мне, – соврал я, – знакомый спрашивал. Его жена заставляет анализы сдать. Ребёнка хотят сделать. Вот и хотят удостовериться, что всё путём будет, без осложнений.

– Так пусть к своему доктору сходят, – посоветовал друг. – Это же коммерческая фирма, они страховки не принимают. Надо будет бабло платить.

Я, естественно, согласился с ним и обещал передать его совет своим вымышленным знакомым. После обеда поехал на Лидицку 30, зашёл в подъезд, поднялся на 2 этаж. Белый коридор и ряд стульев вдоль стены. Две двери. Ординаторская и выдача анализов. И время приёма этих самых анализов. До 12.00. Пришлось уехать ни с чем.

Через день вновь приехал на Лидицку. С утра. Тот же коридор, те же стулья. Передо мной две молодые девицы, оже-сточённо стучащие по своим айфонам, и парень в наушниках. Посидел, подождал своей очереди. Девицы периодически бросали на меня подозрительные взгляды. Парень посидел минут десять, потом вдруг сорвался с места и убежал. Вызвали девиц. Они зашли и через минуту уже вышли. Весёлые.

Моя очередь. Захожу. Врач среднего возраста, пожилая медсестра. Сажусь, говорю, что мне надо справку, что я ничем не болею.

– Аха, – говорит врач, – это стоит 2000 крон. И мы не принимаем страховку.

– Хорошо, – отвечаю я.

– Платить сразу, – не унимается врач, – у вас деньги с собой? А то у нас оборудование дорогое, экспресс анализы. Всё будет готово уже завтра к обеду.

– Я похож на человека без денег? – вопросом на вопрос отвечаю я.

– Нет, – улыбается врач, взглядом задерживаясь на моих

золотых часах.

Медсестра вручает мне пластмассовую колбочку, и я иду в туалет. Пытаюсь туда помочиться. С первого раза не получается. Стою, как дурак, перед унитазом с колбочкой в руке и спущенными штанами и пытаюсь вызвать у себя мочеиспускание. Потею. Наконец выдавливаю из себя достаточное количество мочи. Мою руки и несу драгоценную колбочку обратно. Там у меня из вены берут кровь и отпускают восwo-яси.

На следующий день ровно в 12.00 я захожу в уже знакомый коридор. Затем в ординаторскую.

– Поздравляю, – говорит доктор, – у вас ничего нет, вы здоровы. И протягивает справку с красивой печатью. Этот лист ватмана даже на стенку повесить хочется. Настолько он красочно оформлен.

– Я знаю, что здоров, – отвечаю я, – спасибо.

Два дня вожу эту справку с собой, не решаясь показать любимой женщине. Наконец вечером, еще в дверях, протягиваю ей этот листок.

– А что это? – удивляется она.

– Справка, как ты и просила.

Внимательно читает. Разглядывает печать. Ещё раз перечитывает. Милые губы шевелятся, когда она просматривает список болезней, которыми я не болею: спид, гепатит, сифилис... Затем, не поднимая глаз, спрашивает:

– А что ты сдавал?

– Кровь и мочу, – бодро рапортую я.

Затылок опять немеет. По нему стучат молоточки.

– А соскоб?

– Какой соскоб?

– Соскоб, – поясняет она, – с крайней плоти берут соскоб.

На анализы.

Молоточки весело стучат по затылку.

– Не брали у меня соскобов. Ты скажи, какая именно тебя болезнь интересует, которой нет в списке. Я сдам ещё анализов. Мне не жалко. Соскоб – это не болезнь. Скажи название.

– Да нет, – она ещё раз глазами пробегает список. – Я просто слышала, что ещё соскоб берут для чего-то. Для каких-то анализов. Но раз не брали, значит не надо. Спасибо за справку.

– Пожалуйста, – пытаюсь улыбнуться я. – И когда мы, наконец, будем вместе? В постели. Не на кухне или в коридоре. И желательно без одежды.

Она задумчиво смотрит на меня. И затем внезапно называет дату. Через 10 дней.

– Мама заберёт Алёнку на неделю. И ты можешь остаться ночевать. А сейчас чаоооо.

И выталкивает меня за дверь. И я еду по уже знакомому мне маршруту к себе. Но уже с надеждой, что через 10 дней я никуда ехать не буду. Я буду спать в обнимку с любимой женщиной. И всё будет замечательно у нас...

10 дней прошли. Приехала её мама. Забрала Алёну. Перед

расставанием я чмокнул её в маленький носик и пообещал встретить через недельку на вокзале. И сводить посмотреть Вацлава на коне. Уехали. Мы остались вдвоём. Поужинали, попили чаю. Я помыл посуду. Она ушла в ванную. Затем невидимой тенью проскользнула в спальню. Тишина. Протёр помытую посуду. Тщательно вытер стол. Убрал сахар в шкаф.

Вроде всё чисто. И всё в порядке. И в спальне меня ждёт любимая. Иду в спальню. Полумрак от ночника. И в этом полумраке белеет её лицо на подушке.

– Что-то ты долго, – улыбается она, – я уже заждаюсь.

Присаживаюсь на край кровати, беру её за руку. За руку, которую целовал несчётное количество раз. Глажу руку, вглядываюсь в знакомое лицо. Хочу сказать что-то доброе, милое и ласковое, но почему-то ляпаю совсем другое. О чём секунду назад даже и не думал.

– А справка у тебя есть?

Тишина. Пауза. Лицо на подушке каменеет. И по затылку снова начинает стучать.

– Чтооооо?!

– Справка у тебя есть? – глупо улыбаюсь я, прислушиваясь к подступающей боли в затылке. – Я ведь тебе справку предоставил. А ты нет.

Опять пауза. Её рука исчезает под одеялом.

– Пошёл вон. Вон, я сказала.

Она срывается на крик.

– Негодяй! Немедленно вон. Или я сейчас полицию вызову и скажу, что ты пытался меня изнасиловать. Вооооон!!!

Я медленно пячусь к двери спальни. Спиной открываю дверь, попадаю в коридор, взяв куртку и обувь, выскальзываю в подъезд дома. Там быстро обуваюсь и надеваю куртку. Почему-то на цыпочках выхожу во двор и сажусь в машину. Завожу, еду. Знакомый до одури маршрут. Вспоминаю девочку по имени Алёна.

– Прости, маленькая, – шепчу я. – Я не буду твоим папой... Потому что мама у тебя дура.

Мыльная опера

Квартиру я нашёл через знакомых. Городок у нас маленький, все друг друга знают. Поделился с кем-то своей квартирной проблемой – и через пару дней мне позвонили. Третий этаж, балкон, почти центр, вид из окна на парк с соснами. Без мебели. И цена божеская. Договорился о просмотре. Приехал через час, зашёл в квартиру. Всё в порядке вроде. Ремонт, правда, лет 10 не делался. Но для меня это не проблема. Я всё равно собирался всё покрасить и новые обои наклеить. Не люблю в ободранных квартирах жить.

Хозяин, низенький лысоватый тип с бегаящими глазами, показывал квартиру и бубнил про дороговизну, про то, что он её раньше посуточно сдавал, да вот теперь времена не те настали... Зашли на кухню. Тоже всё пусто, ободранно. Только к одной из стен был прислонен надувной матрас – два на два метра. Розовый. Как-то он смотрелся странно в этой пустой кухне.

– Это девушка придёт, заберёт, – пояснил хозяин, когда я спросил про этот причудливый вид мебели. – Вы воздух из него стравите и в кладовку засунете. А она придёт и заберёт. Я ей уже звонил.

Заберёт так заберёт. Мы ещё поторговались насчёт арендной платы и ударили по рукам. Я внёс залог и получил ключи от этого обшарпанного гнёздышка. На следующий день

пара молдаван убрала всю эту обшарпанность, и мы въехали в квартиру. Матрас я спрятал в кладовку и тут же благополучно забыл про него. Но спустя неделю о нём напомнила мне моя жена.

– Тут матрас был. Моя знакомая с работы хотела бы его забрать. Это её.

– В кладовке, – отозвался я. – Ты на работу его попроси или она сама за ним зайдёт? И кстати, зачем ей такой большой надувной матрас посреди нашего леса?

– А она тут с любовником встречалась, – улыбнулась жена. – Посуточно квартиру снимали и, чтобы на мебель не тратиться, купили матрас. Она мне утром об этом рассказала. Кстати, она нас пригласила на плов через две недели. У неё муж с рейса возвращается, как раз на следующие выходные будет дома.

– Интересное кино, – протянул я, – матрас любовника, а на плов с мужем. Что за подруга-то?

– Ты её видел, – ответила жена, – Инка Громкова, у нас работает, в соседней группе. А муж у неё дальнобойщик, Серёга. Классный мужик, но вот дома бывает редко. Вот Инка себе и ищет приключений.

– Помню я её, – сказал я, – такую не забудешь. Какой у неё размер бюста?

– Шестой. Только ты не очень-то на чужие бюсты заглядывайся.

– Да тут заглядывайся не заглядывайся, первое, что в глаза

бросается, так это её грудь, – рассмеялся я.

– Ну вот так вот её природа наградила, – философски заметила жена, – ну, и нрав к сиськам такой же. А Сергей жутко ревнивый. Он с Ташкента родом. Восточный человек. Но пока эта дурочка вроде не попадалась. Так что у них тишь да благодать. Ты, смотри, ничего там не ляпни про матрас. Она его сама забрать хотела, да хозяин квартиры замок поменял.

– А я чего? – пожал плечами я. – Моё дело крайнее: прийти и плов поесть. Я на матрасах не кувыркался, и вообще, я примерный семьянин...

Две недели пролетели быстро. И мы ранним субботним утром отправились в гости, на плов. На месте выяснилось, что хозяин немного опоздал с рейса и плов ещё не готов. Сергей был здоровенным улыбчивым парнем, весёлым и разговорчивым. И оказалось, что у него страсть к бразильским сериалам, очередную серию одного из которых показывали этим субботним утром.

– Я ща, всё сделаю, будет плов, пальчики оближете, по узбекскому рецепту, – выпроваживая нас из кухни в зал, тараторил Сергей. – Вы только мне никто не мешайте, чайку вот попейте пока, сериал посмотрите. Я быстро, минут сорок, не больше. Я не люблю, когда кроме меня на кухне кто-то толкается. А у меня там и телевизор есть, маленький, правда, но всё равно понятно, чего там происходит. Заодно начало там гляну, пока плов варить буду: с бараниной, да... по-правильному.

Мы чинно расселись за журнальным столиком в зале. Я с женой на диване, Инна напротив нас. За её спиной сразу же включился телевизор и наполнил комнату бразильскими страстями.

– Вы чай с сахаром пьёте? Сколько ложечек? – надвинулся на меня Инкин шестой размер.

– Четыре, – сглотнул я. От её бюста нельзя было отвести взгляд. Он завораживал. Как удав кролика.

– Инка, – подала голос жена, – прекрати сейчас же.

– А что я? – отодвинулась Инна. – Я ничего. Я по привычке. Не переживай так, ничего с твоим мужиком не случится, пока Серёга тут.

И весело засмеялась. Затем, понизив голос, чтобы её не было слышно в кухне, стала благодарить за матрас. Из кухни доносились звуки того же сериала, что показывали у нас, иногда заглушаемые ударами топорика. Это Сергей рубил баранину.

– Я, как дура, – шептала Инка, – прихожу за матрацем, а там замок поменян. Я к хозяину, а он за городом, по телефону тока его жена отвечает. А она типа ничего не знает – ни про замок, ни про матрас. Я с этими ключами по городу бегаю, как ненормальная, вот мне делать больше нечего. Могли бы и предупредить, что жильцов новых впустили и замки поменяли.

– А я и не знал, что там замок поменян, – подал голос я. – Мне дали ключи, а кто там в квартире до этого был и с

какими ключами, я не в курсе.

– Инка, ты поаккуратнее там со своими мужиками и замками, – зашептала рядом жена, – не дай бог Сергей узнает...

И именно в это время в нашей комнате появился Сергей. Здоровый мужик в трениках, в фартуке, заляпанном кровью, и здоровенным ножом в правой руке.

– Вот ведь сука какая, – заорал Сергей, – замки поменяли. Совсем люди страх потеряли. Убивать за такое надо...

Время замедлило свой бег. Голову сдавило железным обручем, и, кажется, я даже перестал дышать. В уши как будто затолкали вату. Сидящая напротив Инна откинулась на стуле и начала бледнеть. Разгорячённое минуту назад лицо стало белым, как полотно, глаза у неё расширились, а шестой размер вдруг превратился в нормальный, не притягивающий взгляд. Рядом ойкнула жена и, по-моему, тоже перестала дышать.

«Убьёт, – пронеслось в голове. – Сначала эту дуру напротив зарежет. Потом нас, как пособников и свидетелей. Или сначала нас, а потом её. Господи, ну за что? На кой мне этот плов сдался. Я же ещё пожить не успел. А тут эти семейные разборки».

– Не, ну что творится-то? – размахивал ножом Сергей. – Что творится-то? Поменять замки и не пустить человека в родной дом.

«Зарежет. Специально медлит, себя накручивает, – думал я. – Ща поорёт и начнёт ножиком махать. Больно, наверное,

будет». Я боялся повернуть голову к Сергею и смотрел прямо на Инну. Та чуть дышала, белая и испуганная. И вдруг белизна с её лица начала исчезать. Заалели щёчки, взгляд стал более осмысленным.

– Милый, ты про что сейчас говоришь, – вдруг подала голос она, – про сериал, что ли?

– А про что же ещё? – искренне удивился Сергей.

– Да мы его же почти и не смотрим, это ты у нас больной на эти сериалы, – продолжала розоветь Инка. – Ты бы шёл на кухню, у тебя там что-то горит, по-моему.

Сергей ойкнул и ринулся на кухню. Со звоном разлетелся железный обруч, до этого опоясывающий голову. Исчезла вата в ушах. Время опять начало бежать, как прежде. В комнату заглянуло солнце. Мы перевели взгляд на экран телевизора. Там разыгрывалась очередная драма в очередной двести с чем-то серии. И именно в этой серии коварный Дон какой-то сменил замки в родном доме, чтобы дочь главного героя не смогла попасть в этот самый дом.

– Твою мать, – раздался знакомый и родной голос жены.

– Пипец, – отозвалась Инка, – я чуть не описалась. Долбаные бразильцы со своими долбаными мыльными сериалами.

Я ничего не сказал. Я улыбался и искренне желал попробовать этот замечательный плов, который в это время томился в казане на кухне у здоровяка Серёги.

Посылки

Мы жили на одной улице. В пяти кварталах друг от друга. Десять минут пешком. Правда, последние полгода я жил у неё. Пока мы не расстались. И я вернулся к себе, в свою холостяцкую берлогу. Расстались глупо и очень быстро. Проснулись утром вместе, а вечером я уже ночевал у себя.

Она хотела, что бы я каждый день давал ей на мелкие расходы (она это называла «на конфеты») по тысяче крон. Утром я их должен был оставлять на тумбочке, пока она спит, и отправляться на работу. Естественно, кроме этого я должен был покупать еду, водить любимую девушку в кино и рестораны. И каждый день на тумбочку тысячу крон. Или 50 долларов по сегодняшнему курсу.

Я вначале попытался отшутиться, объяснить, что у меня зарплата 35 000 чистыми. Полина была непреклонна. У её подруги Марины Паша так делает. И она так хочет. Если мало денег – устраивайся на другую работу, где больше платят. Или бери вторую работу.

Наши препирательства по поводу денег «на конфеты» продолжались неделю. Пока, наконец, я не сравнил Полину с проституткой. И тут же был немедленно выставлен за дверь. В руках у меня был пакет с кое-какими вещами и ноутбук с зарядкой. Я не спеша дошёл до своей квартиры, порылся в холодильнике, нашёл там пачку пельменей с мясом индейки

и, поужинав, начал новую старую жизнь.

Прошло пару дней. И я вспомнил про свой фотоаппарат, который оставил у Полины. Позвонил ей, попросил заехать к ней за фотиком. Она долго молчала в трубку, потом ледяным голосом ответила, что сама мне доставит столь ценный аппарат. Сама так сама, согласился я.

Прошло два дня. Звонок в дверь. Открываю. Стоит молодой парень в джинсовых шортах и майке от Lee Cooper. Рядом картонная коробка, перевязанная скотчем. Размерами сантиметров 60 на 40.

– Вам посылка, – говорит, – распишитесь.

Расписываюсь. Забираю коробку. Обратный адрес – та же улица, только номер дома указан тот, откуда меня недавно выгнали. Раскрываю посылку. Мой любимый Кэнон. Мой пятак. Живой и невредимый. Правда, почему-то без ремня. Ну да ладно, главное, он у меня и можно будет поснимать в ближайшие выходные. Но на душе становится грустно и мутно. Вечером пью вино и вспоминаю нашу совместную жизнь с Полинкой.

Проходит ещё день. Вечером возвращаюсь с работы, в почтовом ящике извещение. Наш почтальон принёс вам посылку. Но вас не было дома, пожалуйста, придите за ней к нам в отделение.

На следующий день рано утром топаю на почту. Получаю в руки большой конверт. Обратный адрес – моя улица. Вскрываю. В пакете ремешок от фотоаппарата. Становится

смешно. Грусти как не бывало. Мысленно благодарю Полину. Звонить не решаюсь. Не люблю я, когда по телефону молчат льдом.

Проходит ещё два дня. Звонок в дверь. Открываю. На пороге всё тот же парень всё в тех же шортах. Правда, майка другая, от *Desigual*.

– Классная майка, – говорю я.

– Спасибо, – довольно улыбается парень, – вам посылка, распишитесь.

Расписываюсь. Получаю на руки обмотанную скотчем треногу. Сажу и прикидываю, сколько времени стоит замотать треногу скотчем, отнести её на почту и отправить мне. Тем более, что почта в соседнем от меня доме.

На следующий день вечером в почтовом ящике обнаруживаю конверт. Хотя на конверте и указано, что с доставкой, но вчерашний парень в шортах, видимо, решил, что и так сойдёт, и бросил письмо в ящик. В конверте моя зубная щётка.

Щётку в связи с износом я выбрасываю в корзину для мусора и сажусь вспоминать, сколько ещё моих вещей осталось у Полины. Выясняю, что прилично. Всякие безделушки, кое-какое бельё, книги, пара-тройка дисков с музыкой, старый Макинтош, пальто...

Три дня тишина. Я уже было успокоился и подумал, что всё. Но не тут-то было.

Звонок в дверь. Знакомый парень. Майка от *Pall Mall*.

– Вам пакет. Оттуда же.

– Спасибо большое. Где расписаться? Клёвая майка.

– А то, – улыбка до ушей, – до свидания.

– Лучше прощайте, – бормочу я, закрывая дверь.

На пакете знакомый адрес, написанный знакомым почерком. В пакете мои трусы. Блииин.

Первым желанием было позвонить. Но сдержался. Девушка развлекается. Девушке так нравится. Ну что же, развлекаемся и мы. Два дня уходит на обдумывание ответного шага. За это время ставший уже родным любитель модных маек приносит очередной пакет с моими же носками. Грязными.

– Могла бы и постирать, – ворчу я и иду по магазинам. Покупаю пачку презервативов, пластиковый конверт и упаковочную ленту со скотчем.

Прихожу домой, удобно устраиваюсь на диване, разрываю пачку с кондомами и включаю порно канал... На следующий день пакет с наполненным и заботливо перевязанным розовой ленточкой презервативом я посылаю своей бывшей возлюбленной. С доставкой на дом. Лично в руки.

Больше я посылок от неё не получал.

Виагра

Спрос рождает предложение. Со спросом было всё нормально. Один мой знакомый чех с прикольной фамилией Маньяк сказал, что у него есть куча знакомых, жаждущих купить Виагру. А в Чехии она только по рецептам, да и стоит сумасшедших денег. Одна таблетка примерно 20 долларов. А он слышал, что русские через интернет покупают заменитель Виагры в Индии. И что неплохо бы замутить бизнес по продаже этой самой Виагры. Без рецепта и за полцены.

Предложение меня заинтересовало, и я стал расспрашивать знакомых вебмастеров, что, где и как. И в итоге познакомился через скайп с парнем из Минска. Его никнейм был ТимУл. Он мне рассказал, что продаёт Дженоерик Виагру и что изготавливают ее не в Индии, а в Пакистане. Где у него связи на местном фармацевтическом заводе. Обговорили цену, виртуально стукнули по рукам, и я перечислил ему деньги через вебмани за 100 таблеток из расчёта 1 доллар за штуку. Итого 100 долларов.

ТимУл связался со своим человеком в Пакистане. Дал ему мой адрес и попросил прислать хорошему человеку в Праге посылку с таблетками. Общались они на английском языке. То ли пакистанец плохо знал английский, то ли ТимУл ему недостаточно точно объяснил, но в итоге из Пакистана мне послали заказную посылку, где в сопроводительных

документах чёрным по белому было написано – заменитель Виагры.

Мне же домой пришло извещение о пришедшей на моё имя посылке и что мне следует явиться на таможенню по поводу этой самой посылки. Я явился.

Таможня располагалась в том же здании, что и почта, но на последнем этаже. Большой полукруглый зал, разделённый на секции с окошечками, за которыми находились таможенники. Секции были условно разделены полупрозрачными перегородками, так что можно было слышать, что именно растамаживает сосед. Я подошёл к самому первому окошку и протянул извещение. Мужик в форме, примерно моего возраста, взял бумажку, пробежал её глазами и на весь зал заявил:

– Вы по поводу Виагры ? Вам к окошку номер пять.

В таможенном зале наступила тишина. Все устремили взгляды на любителя Виагры, то есть на меня. Подхожу к пятому окошку, протягиваю бумажку и так же громко говорю:

– Я по поводу таблеток.

Таможенница лет двадцати пяти с интересом берёт у меня бумагу, что-то ищет в компьютере и уточняет:

– Вам пришла посылка с сотней таблеток Виагры. Это для бизнеса?

– Нет, – отвечаю я, – для собственного потребления.

Тишина в зале становится ещё тише. Даже мухи замолкают.

– Зачем тебе столько жрать Виагры? – не выдерживает таможенник из соседнего окна.

«Так я тебе всё и выложил, – думаю я. – Одно дело покупать что-то для личных целей, и совсем другое – для продажи. Насчитают налоги, штрафы, плюс отсутствие лицензии. Взгреют так, что мама не горюй».

– У меня жена и две любовницы, – начинаю я врать напропалую, – и ещё секретарша. С ней я тоже сплю. И ещё к соседке иногда забегаю по выходным. А здоровье уже не то. Не молод: 39 в прошлом месяце стукнуло.

– А зачем ты стока себе баб завёл? – не унимается соседский таможенник.

– Не могу отказать женщине, – сокрушаюсь я, – такой вот дурацкий характер.

– Так и запишем, – резюмирует девица. – Таблетки синего цвета в количестве ста штук, купленные для собственного потребления в связи с плохой потенцией.

Народ в зале начинает оживлённо гудеть.

– Про потенцию не надо записывать, – скромно прошу я.

– Хорошо, – соглашается девица, – про потенцию не будем. Вот тут распишитесь и ждите, мы вас вызовем. Проведём экспертизу и вызовем. Нельзя покупать подделку за рубежом. Там более, эти таблетки по рецептам.

И я под любопытные взгляды посетителей покидаю помещение пражской таможни.

Прибегаю домой, включаю компьютер, связываюсь с Ти-

мУлом. Рассказываю про таможенню и ругаюсь, что пакистанский товарищ прислал таблетки заказным письмом и в описании написал, что это заменитель Виагры.

– Я разберусь, – обещает ТимУл, – я поговорю с ним и вставлю втык. Не переживай.

И ТимУл поговорил с пакистанцем. Но, судя по всему, с английским у того было совсем плохо. Потому что через неделю мне в почтовый ящик упало извещение с таможни. Я вначале подумал, что это вызов для разбора первой посылки. Но нет. Неграмотный пакистанский фармацевт прислал мне второе заказное письмо с сотней голубых таблеток.

– Зачем вам ещё сто таблеток Виагры? – спросила меня знакомая девица из пятого окошка.

В зале никто не работал, все внимательно прислушивались к нашей беседе. Лишь в дальнем углу один таможенник рассказывал своему коллеге о моём предыдущем визите. Коллега в тот день находился в отпуске и был не в курсе о воскресшем Казанове.

– Для собственного потребления, – искренне улыбнувшись, ответил я, – познакомился недавно в Карловых Варах с блондинкой. Одинокая девушка, муж недавно бросил. А ей всего 20 лет. А у меня жена, две любовницы и секретарша.

– И соседка, – подсказал таможенник из окошка рядом.

– Точно, и соседка, – положив руку на сердце, уточнил я, – но она по выходным. Суббота и воскресенье.

– Так и запишем, – хмыкнуло пятое окошко, – для соб-

ственного потребления. Сто таблеток. Идите, мы вас вызовем. После экспертизы.

И я пошёл. Пришёл домой, включил компьютер. Связался с ТимУлом. И долго высказывал ему всё, что думаю о прекрасной стране Пакистан.

– Неудобно получилось, – покаянно сказал ТимУл, – я ща с ним свяжусь и объясню, что тебе ничего посылать не надо. Что ты и так у таможи на крючке. Прямо вот сейчас связываюсь и всё разруливаю.

И ТимУл связался со своим пакистанцем и сказал ему на своём прекрасном английском языке, который он изучал в спецшколе, что не надо больше в Прагу посылать Виагру. Не надо. Стоп, баста.

Пакистанец не учился английскому языку в минской спецшколе. Где он учился этому языку, можно только догадываться. Потому что через неделю он прислал мне очередную посылку. Но уже с двумя сотнями таблеток.

На таможе меня ждали. Как родного. Был аншлаг. В пятом окошке, кроме девицы, на стульчике расположился заместитель начальника таможи. В разговор он не вступал, но внимательно нас слушал, иногда крикая от удовольствия.

– Вам пришло 200 таблеток заменителя Виагры, – мило улыбаясь, сообщило мне пятое окошко, – зачем вам столько?

– Для собственного потребления, – так же мило улыбнувшись, ответил я.

– 400 таблеток для собственного потребления? Вам плохо

не будет?

– Будет, – согласился я, – но вот такой характер. Не могу отказать женщинам. И ещё я люблю всё закупать впрок. У меня дома в подвале 70 рулонов туалетной бумаги, 50 коробок с консервами и 90 упаковок памперсов для взрослых.

– А памперсы вам зачем? – удивилось пятое окно.

– Да я когда женщину вижу, у меня организм не выдерживает, – совершенно серьёзно ответил я.

Зал грохнул от хохота. Заместитель начальника сполз под стол, держась за живот. Веселье у мужской половины таможи продолжалось минут десять, пока, наконец, все не успокоились и пятое окошко не выдало мне знакомую фразу про экспертизу и «мы вас вызовем».

Где-то месяца через полтора меня вызвали. Но не в таможню, а в суд. Где за покупку подделки вклеили по тысяче долларов штрафа за каждую посылку.

А с ТимУлом я больше не связывался и больше его ни о чём не просил. Ну его нафиг.

Часики

Он увидел эти часы во вторник, когда ждал её после работы. Увидел и сразу подумал: надо купить. И подарить ей. А то она постоянно опаздывает. Вот и сейчас. Двадцать минут он уже пританцовывает возле этой витрины, а её всё нет и нет. Надо бы всё-таки купить нормальные зимние ботинки. Тем более и деньги есть. А то в этих осенних туфельках долго не проходишь. Холодно. Даже шерстяные носки не помогают. Вот возьмёт завтра и в обеденный перерыв сбежит и купит. Кожаные. Чтобы стоять и спокойно ждать свою любимую женщину.

А часики хороши. И ей наверняка понравятся. Интересно, сколько стоят?

Телефонный звонок.

– Извини, я опоздаю на полчаса. Задержали. Погрейся где-нибудь. А потом я приеду и тебя погрею. Хорошо?

– Конечно, дорогая. Жду.

От её слов стало теплее. Сбив снег с осенних штиблет, забежал в часовой магазин.

– Девушка, вот эти часики. Сколько стоят? Да, что на витрине. Сколько? Однако, не дёшево. А, ну если швейцарские, то да, нормальная цена. Да, да.

Прикинул в уме. На зимние ботинки всё равно хватало. Эх, гулять так гулять.

– Девушка, я возьму часики. Мне их упакуйте как подарок. Хорошо? Не с витрины? У вас их сколько? Всего два экземпляра? Отлично. Почти эксклюзив.

Расплатился. Пачка денег уменьшилась вдвое. Продавщица упаковала часики, протянула ему. Через стекло витрины он увидел её. Полчаса ещё не прошло, а она уже тут. Сюрприза не получилось. Вышел на улицу, обнял, вручил коробочку. Она затормошила, быстреей домой, посмотрим, что там в коробочке. Дома открыла её, обомлела.

– Это мне? Эти часики ты мне подарил? Какие они красивые...

Заплакала. Он бегал вокруг неё и не знал, что делать. Потом обнял и долго слушал шёпот про то, что никто ей никогда ничего подобного не дарил. Гладил по голове и думал: её надо баловать. Подарками. Вниманием. Она это заслужила. Она хорошая.

Она потом весь вечер и следующий день носилась с этими часиками. Примеряла, постоянно смотрела время. Разглядывала циферблат и золотые сердечки на нём.

– Буду смотреть на них и думать о тебе, – говорила.

На следующий день он собрался за ботинками, да коллега отговорил. Пообещал через два-три дня свозить в какой-то крутой обувной магазин. Чтобы уж обувь так обувь. Грела. А не просто ноги прикрыть. Договорились на субботу.

А в пятницу утром позвонила она. На работу.

– Милый, я у тебя часики забыла. Ремешок расстегнулся,

и они выпали. На диване, наверное. Глянешь вечером?

– Да, да. Конечно, гляну. Наверняка там валяются.

А сам с фотографической точностью вспомнил, что она уходила с часами. Они висели на её руке. И в такси она садилась в них. Он от неё заразился тем, что беспрестанно смотрел на эту швейцарскую игрушку.

После обеда отпрашиваясь с работы и помчался домой. На всякий случай обыскал диван и потом всю квартиру. Часов нигде не было. Присел. Задумался. Судя по всему, часики выпали в такси. Или на улице. Дома их точно не было.

Что делать? Она же расстроится. Она же, как ребёнок, им радовалась.

Оделся. Вышел на улицу. Бегом к знакомому магазину. Та же продавщица. Узнала.

– Часики я у вас покупал. В витрине вот висят. Это последние? Больше таких нет? Я возьму. Да, да, солю я их. Нет, подарочную упаковку не надо. Вы мне ремешок к ним попрочнее подберите просто и всё.

Взял часы. Бегом домой. Она должна быть с минуты на минуту. Придёт, а он так небрежно достанет часики и скажет, что нашёл за диваном. И ремешок новый подарит. Чтобы не теряла. И она будет счастлива, что часики нашлись. А ботинки? Да хрен с ними, с этими ботинками. В осенних походит. Тем более весна уже скоро...

Он тогда не знал, что спустя несколько лет его жена будет перебирать старые бумаги. И, подойдя к нему, вдруг расте-

рянно спросит.

– Помнишь, ты мне часики подарил, швейцарские. Я их на нашу годовщину всегда надеваю. А почему на одни и те же часы два гарантийных талона и два чека? Только даты разные. С разницей в три дня.

Бананы

Мы познакомились на Обводном канале. В пробке. Был час пик. И стадо машин наглухо стояло в этой самой пробке, гудя моторами и отравляя всё вокруг выхлопными газами. Погода была чисто питерская. То есть хмурое небо и холодный ветер. Хотя в машине было тепло и сухо. У меня в то время был красный Опель Кадет – трёхдверный, пижонистый, с красным рулём и красными сиденьями. Я сидел в своём Опеле, слушал радио Модерн и очень хотел есть. Позавтракал я чаем с бутербродом, пообедать не успел. И вот теперь желудок давал о себе знать. Жрать хотелось до умопомрачения.

От безделья я стал рассматривать стоящие рядом машины, товарищей по несчастью. Справа от меня пыхтели ржавые Жигули с дедком в салоне. Впереди представительский Мерс. В зеркале заднего вида маячил какой-то микроавтобус. Справа же от меня расположилась светлая Бэха, пятёрка. В машине сидела очень симпатичная женщина и... ела банан. Увидев банан, я чуть не подавился слюной. Желудок заурчал.

Женщина также от ничегонеделанья вертела головой и заметила, как я сглотнул. Улыбнулась. Достала целый банан и показала мне: хочешь? Ещё бы я не хотел! Кивнул в ответ: хочу, конечно же. Она открыла боковое окно. Я открыл своё

боковое со стороны пассажира. Женщина ловко закинула банан мне в окно.

– Спасибо! – заорал я.

– Пожалуйста, – раздалось в ответ.

Я быстро сорвал с банана кожуру и, давясь, съел его в течение нескольких секунд. Желудок взвизгнул от удовольствия и успокоился.

– Ещё хотите? – раздалось справа.

– Хочу, – покраснев, ответил я, и добавил, оправдываясь: – Я весь день ничего не ел.

– У меня их много, кушайте на здоровье, – и очередной банан упал мне на сиденье.

Его я ел уже не спеша. Смакуя и получая наслаждение от процесса поглощения пищи. Женщина в соседней машине улыбалась. Я разглядел её получше. Очень симпатичная. Круглое лицо, светлые волосы. Строгое тёмное платье. В ушах крупные серьги. Когда она улыбалась, на щеках вспыхивали ямочки.

– Спасибо большое, – сказал я, доев второй банан.

В это время сзади загудели. Тронулась её полоса, уходящая на поворот к Московскому проспекту. Мой ряд оставался стоять.

– Пожалуйста. Приятного аппетита, – крикнула она и, тронувшись с места, медленно прокатила мимо меня, свернув направо. И уехала. А я остался в вонючей пробке, которая, правда, минут через 15 рассосалась, и я благополучно при-

был домой.

Прошло две недели. Я мотался по городу, встречался с людьми, так же стоял в пробках. И всё время вспоминал светлую Бэху с симпатичной хозяйкой. И высматривал её в проезжающих мимо машинах. И мои старания не пропали даром. Я вновь встретил её машину. И тоже на Обводном. Но уже на пересечении с Лифляндской улицей. Она ехала впереди меня на две машины. Аккуратно обогнал их, пристроился рядом. На сей раз она была с левой стороны. Посигналил. Женщина глянула на меня. Узнала. Улыбнулась. Нагнулась, что-то поискала в бардачке. Вытащила банан, показала мне. Я засмеялся. Она улыбнулась в ответ. Знаками показала мне, что хочет припарковаться. Осторожно прижались к правой стороне дороги, нашли небольшой карманчик, как будто специально для нас. Её Бэха стала первой, я за ней. Заглушил мотор, вылез из машины. Подошёл к её автомобилю, сел на сиденье пассажира.

– Банан хотите? – спросила, улыбаясь, она. В светлом салоне было тепло и уютно. Из динамиков мурлыкала Патриция Каас.

– Спасибо, я сегодня сыт.

– Сытый мужчина – это очень хорошо, – опять улыбнулась она.

– Спасибо за те два банана, они спасли меня от голодной смерти, – вновь поблагодарил я и, наклонившись к ней, провёл тыльной стороной ладони по её щеке. Она зажмурилась

от удовольствия.

– Хорошо как, у вас хорошие руки, – открыв глаза, сказала женщина. Вблизи она оказалось ещё более привлекательной. И уставшей. От уголков глаз бежали морщинки.

– Тяжёлый день? – спросил я.

– Да они все тяжёлые, – ответила она, – каждый день что-то наваливается, что-то надо делать, куда-то ехать. Устала немного. А так всё нормально.

– Бизнес? – спросил я.

– Аха, – подтвердила она, – кручусь понемногу. Вы тоже?

– Аха, – эхом ответил я, – тоже кручусь понемногу. И вновь провёл рукой по её щеке.

Мы сидели в машине. Француженка пела о любви. А мы просто сидели и смотрели друг на друга. И время стояло. Хотя обоим надо было куда-то ехать и что-то делать, с кем-то встречаться и решать какие-то проблемы. Но в этот момент всё отошло на второй план. Мы просто сидели в машине. Два уставших человека.

– Может, всё-таки съедите его? – спросила она.

– Съем, – ответил я, – от еды не стоит отказываться, тем более они у вас очень вкусные.

– Ешьте, пожалуйста, – протянула она мне банан.

Я взял его и неторопливо слопал, немного тушуясь под её взглядом. Она улыбалась.

– Ещё?

– Нет, спасибо. Правда, я больше не хочу. Я ещё посижу

минут десять и поеду.

– Может, ещё что-нибудь хотите? – она подалась ко мне.

– Нет, – ответил я, – всё и так замечательно. Все сыты и здоровы. И мне ничего не нужно.

– С ума сойти, – тихонько засмеялась она, на щеках опять появились ямочки, – первый раз за много лет мне встретился человек, которому ничего от меня не нужно. Обычно все чего-то хотят: кто-то денег, кто-то моей подписи на документе, кто-то секса. Вы хотите меня поцеловать?

– Нет, – сразу же поспешно сказал я, и потом добавил: – Я хочу вашу щёку ещё раз погладить, можно?

– Можно, – разрешила она, – мне это приятно. Ни к чему не обязывает.

И я ещё раз провёл рукой по её щеке, но уже ладонью. Хотя хотел поцеловать её. В губы и в эту ямочку на щеке. Но понимал, что это всё испортит. Она закрыла глаза и откинулась в кресле. Я сидел рядом.

– Позвоните мне? – попросила она.

– Да, если телефон оставите, – ответил я.

Она достала из сумочки записную книжку, вырвала из неё листочек, написала несколько цифр. Протянула мне.

– А имя? – спросил я.

– Ой, – покраснела она, – мы же не познакомились. Светлана.

– Вадим, очень приятно.

Я вышел из её уютной машины. Положил листочек с её

телефоном в карман куртки. Наклонился к открытому окну.

– Удачи вам, Светочка.

– Спасибо, – улыбнулась она, – вы мне обязательно позвоните. Я буду ждать. Очень буду ждать.

И она уехала, втиснувшись в поток машин. Уехал и я, чуть попозже, когда сердце перестало колотиться и я вспомнил, где я и куда мне надо ехать.

А вечером этого же дня я попал в аварию. В самом центре Питера, на Дворцовом мосту. Мою машину подрезало такси, и я въехал в его задний бампер. Такси отделалось лёгким испугом, а вот моя ласточка серьёзно пострадала. Разбитый передний бампер и потёкший радиатор. Пока разбирался с таксистом, пока ждали неторопливых гаишников, прошёл час. Затем оформили протокол, подышали в трубочки, и этот же таксист отбуксировал мою машину в Авиагородок, где я тогда жил. И только дома я обнаружил, что лишился куртки и папки с сертификатами, которые лежали на заднем сиденье. Видимо, их увели, пока мы разговаривали с таксистом. Документы и деньги, слава богу, были в барсетке, постоянно со мной. А вот куртка и ненужные никому сертификаты украли. Да и куртка была не новая, с потёртыми рукавами. А в куртке лежал листочек с телефоном, который мне оставила женщина из светлой Бэхи.

Я после этого прожил в Питере ещё три года. Очень много ездил по городу, но так больше и не встретил её машину. Я больше не слышал её смех и не увидел ямочки на щеках. А

потом я вообще уехал в другую страну. И шанс встретить её стал равен нулю. Но всё равно, если я покупаю в магазине бананы, я вспоминаю её. И мне становится тепло и уютно.

«Империял»

Развод дело нервное. Очень. И неважно, сопровождается он битьём посуды и выяснением отношений или внешне всё пристойно и без скандалов. Нервная система офигевает от происходящего и медленно начинает загибаться. Организм кричит и требует передышки. У меня эти крики организма вылились в непрестанную головную боль. Виски скручивало от этой боли до темноты в глазах, до полуобморочного состояния.

И я решил, что самое лучшее – это уехать куда-нибудь в санаторий. Благо их в нашей Чехии как грязи. Была мысль отправиться на море, но на море на три-четыре дня не полетишь, а на больший срок меня не отпускала моя ещё одна спутница жизни – работа.

Я поступил просто: открыл ноутбук, забил в местном поисковике горящие туры в Чехии и принялся искать подходящее мне предложение. Вначале определился с самим курортом – Франтишковы Лазни. Во-первых, я там ещё не отдыхал. Во-вторых, он был очень красив. Правда, лечили в нём в основном от бесплодия. Но и для мужчин там были различные лечебные туры и просто восстановительные программы.

Я примерно полчаса рассматривал различные отели во Франтишковых Лазнях, пока случайно не наткнулся на рекламу отеля «Империял» в Карловых Варах. Романтический

трёхдневный тур – гласила реклама и привлекала очень даже низкой ценой. Поддался, кликнул. Действительно, несколько процедур, завтраки с ужинами, бассейн в отеле, собственный источник. Вот только тур был рассчитан на влюблённую парочку, что смущало. Подумав немного, позвонил по контактному телефону.

– А можно в романтический тур одному поехать и сколько это будет стоить? – поинтересовался я.

– Можно, – не задумываясь ответили в Карловых Варах, – вот только мы пересчитаем цену для одного и перезвоним вам. У нас этот тур для двоих обычно заказывают. Вы первый, кто на одного спрашивает.

Минут через 30 перезвонили. Назвали цену. Цена устроила. Мгновенье подумав, забронировал тур. Сказал, что завтра приеду. Уточнил насчёт парковки и по стоимости дополнительных процедур. Виски болели невыносимо и требовали минеральных ванн и прогулок по холмам Карловарщины.

Наутро, быстренько позавтракав надоевшими пельменями, я собрал вещи и поехал в Карловы Вары. Добрался за полтора часа. День был солнечный, машин было немного, и настроение потихоньку менялось с отвратительного на угрюмо-спокойное.

Подъехал к отелю. Притащил на рецепцию свой рюкзак и отогнал машину на стоянку. Вернулся. Сказал улыбчивой тётеньке, что я приехал в романтический тур.

– Да, да, – отозвалась она, – меня предупредили, что вы

будете один. Апартаменты для новобрачных уже готовы. Я думаю, что вам понравится у нас.

— А можно не для новобрачных? — попросил я. — У меня ситуация как бы совсем наоборот. Мне бы обычный номер, желательно с видом на луну. И дополнительные процедуры я хотел бы заказать. Что бы вы посоветовали насчёт стирания воспоминаний?

— Можно обычный номер, — тут же отозвалась тётенька, — с видом на лес. И процедуры подберём, которые вам понравятся и запомнятся.

Подобрали мне процедуры. Составили расписание. Как-то так получилось, что все три дня у меня оказались расписаны поминутно. Я попытался было отвертеться от романтического ужина, но тётенька на этот раз проявила упорство: ужин входит в цену тура и не может быть отменён. Пришлось согласиться.

После этого я отбыл в свой номер на 5 этаже с видом на лес. Распаковал вещи. Отправился гулять.

Карловы Вары я знал и очень любил. Я спустился на фуникулёре к источникам, попил водички. Похрумкал ванильными оплатками. Дошёл до гранд-отеля Rupp. Откуда на другом уже фуникулёре поднялся до Оленьего скока. Постоял на горе, поглядел на город. Боль в висках стихала.

Затем прогулялся по лесу. Встретил по дороге белку, которую забросал желудями. Белка залезла на дерево, но в ответ ничем кидаться не стала.

Спустился к памятнику Карлу Марксу. Зашёл в русскую церковь. Поставил свечи. Полюбовался на внутреннее убранство. Неторопливым шагом дошёл до тира. Взял сразу 100 патронов и так же не торопясь выпустил их по бумажной мишени из Глока. Результат меня приятно удивил. Есть, оказывается, ещё порох в пороховницах.

Затем вышел из холодного тира на солнечную улицу и отправился ужинать. Поужинал бараньими рёбрышками рядом с колоннадой. Запил их вездесущей минералкой. Вернулся в отель. Тётенька с рецепции мне приветливо кивнула. Виски уже не болели. На душе было спокойно. Сам отель излучал тепло и спокойствие. Из белого камня, с двумя крылами, он стоял на холме над городом, величавый и красивый, но в то же время домашний и уютный.

Я поднялся в номер. Мобильный, брошенный на кровати, призывно мигал. Ничего себе – 23 пропущенных звонка. Надо было сразу отключить. Но как только я собрался это сделать, как телефон требовательно зазвонил. Я ответил.

– Ты где? – спросила телефонная трубка. – Я хотела бы забрать вещи, я не всё забрала.

– Я в Карловых Варах, – ответил я и затем сдуру ляпнул: – В романтическом туре.

– Бабу себе уже завёл, – констатировала телефонная трубка, – быстро ты, однако.

– Да не, – попытался оправдаться я, – я один, просто тур дешёвый, один я, отдохнуть решил.

– От меня отдохнуть он решил, – возмутилась телефонная трубка, – ещё и врёт, что без бабы...

И телефонная трубка заплакала. Но ненадолго. Плакала она секунд 30, после чего два часа и 9 минут рассказывала мне, какой я мудака. Я слушал, чувствуя, как начинает скручивать виски от уже привычной боли. Иногда я вставлял междометия в этот монолог, полный боли и гнева брошенной женщины. Но меня никто не слушал. Слушал я – все эти два с лишним часа. За это время я умудрился сходить в туалет, почистить зубы и сполоснуть лицо холодной водой. И даже немного поваляться на постели. Потом трубка холодно попрощалась со мной, пожелала мне хорошо отдохнуть и оставила меня в покое. Виски нестерпимо болели. Боль проникала до позвоночника. Я выключил телефон и почему-то на всякий случай вынул из него батарейку. Потом битый час плавал в бассейне, пытаясь вернуть утраченное спокойствие и унять боль. Вернул, унял. Отправился спать.

С утра позавтракал, прогулялся по окрестностям. Затем классический массаж. Через полчаса жемчужные ванны. После обеда часовая прогулка по лесу и шоколадное обёртывание. Я неторопливо ходил от одного кабинета к другому, радуясь, что мне не надо ни о чём думать и не надо никуда бежать. Отпуск. Оазис ничегонеделанья в моей запыленной жизни. Это было очень приятно и расслабляло. Происходящее в моей жизни казалось чем-то далёким и несущественным. Главным вопросом было – что делать вечером: попла-

вать или пошляться по городу? Я стал хорошо спать, я полюбил вид из окна на лес. Я полюбил сам отель. Я освоился и стал тут своим.

В последний вечер я отправился на романтический ужин. Небольшой ресторанчик в этом же отеле, зарезервированный на полтора часа (как выяснилось позже) именно для моего романтического ужина. Столик для двоих, но с одним набором приборов. Свеча. Две симпатичные официантки.

– Что пан будет пить? Вот карта вин. Или, может, аперитив перед ужином?

– Спасибо, я не пью. Мне бы минералочки.

Официантки переглянулись и притащили мне минералки. Сделал заказ. В ожидании горячего разговорился с одной из официанток. Звали её Мартина. Лет 35, симпатичная, с отличной фигурой.

– А почему пан один? Ведь это романтический тур.

– Я развожусь. Вот и решил устроить себе праздник.

– Разводитесь? Я тоже разведена. Пять лет назад. Жила в Праге у мужа, потом уехала к себе на родину, в Карловы Вары.

Я пригляделся к Мартине. Высокая крепкая грудь, глазки горят. Когда подавала стейк, как бы нечаянно коснулась меня бедром.

– У пана будет всё хорошо, – сказала она, подавая соус, – только плохо, что вы в романтическом туре одни. Какая тут может быть романтика?

– Никакой, – согласился я, – только отдых, отдых и никакой романтики.

Я ел стейк с грибным соусом и мысленно пел дифирамбы местному повару. Потом выпил кофе. Запил его Маттони – медленно, смакуя приятный вкус холодной водички. В голове билась мысль: это будет первая женщина после жены. А женщина стояла возле выхода и загадочно улыбалась. Привлекательная и сексуальная. Я встал. Подошёл к ней. Громко поблагодарил за ужин.

И тихо спросил:

– Вы во сколько заканчиваете работать?

– В одиннадцать вечера, – одними губами ответила она.

– Придёшь ко мне? – спросил я.

– Приду, – выдохнула она и громко: – Приятного вам вечера и ночи, пан.

А у самой щёки зарделись.

Я вернулся в номер. Перестелил постель. Стал ждать. Ждать было долго, поэтому я прогулялся по парку, посидел на скамейке, вернулся в номер.

Одиннадцать вечера. Где-то в городе гремит дискотека. Из леса кто-то чирикает, несмотря на поздний час. Романтика... Жду. Десять минут, двадцать. Через час выхожу из номера и спускаюсь к ресторану. Он, естественно, закрыт. Матерясь сквозь зубы, поднимаюсь в номер и ложусь спать.

Утром я проснулся полностью отдохнувший и весёлый. Спустился на завтрак. Спросил Мартину. Не её смена. Ну да

ладно. Позавтракал. Поднялся в номер. Собрал вещи в рюкзак. Спустился вниз к рецепции, сдал ключи. Походя к парковке, увидел знакомое лицо. Мартина.

– Добрый день, пан.

– Добрый день, Мартина.

Пауза.

– Я хотела спросить вас только об одном. Почему вы меня вчера пригласили, но когда я пришла, вы не открыли номер?

– Как пришла? – я обалдело уставился на неё. – Я тебя битый час прождал. Я ждал тебя.

– Я была в пять минут двенадцатого. Я стучала. Никто не открыл.

– Не может быть, – я растерянно смотрел на Мартину, – я ждал тебя. Я бы услышал стук.

– Я стучала, никто не открыл, – грустно сказала официантка, – а я, как дура, стояла около этого номера для новобрачных и не знала, что мне делать...

– Я был в другом номере, прости, – хрипло выдавил я, – я поменял номер, когда въехал в отель.

Она минуту посмотрела на меня, потом расхохоталась и чмокнула в щеку. Развернувшись, быстро пошла по дорожке к автобусной остановке. Пройдя шагов двадцать, остановилась, оглянулась и прокричала мне:

– У вас ещё будет романтический тур. Обязательно. Вдвоём.

Ленка

Познакомились мы на танцах. На обычных деревенских танцульках. Под магнитофон и цветомузыку. Это был 1984 год. Или 85-й. Не помню.

Нас было трое друзей: я, Женька и Игорь. И мы пришли на танцы в эту деревеньку под Серпуховым. Потому что там жила Женькина подружка. Пришли, выяснили отношения с местными пацанами, распили с ними бутылку красного и остались на танцы. Познакомились с Ленкой. Она была весёлая и бесшабашная. И после танцев притащила нашу троицу к себе домой. Потому что на автобус мы опоздали, и потому что её мать была в командировке.

Чинно-благородно попили на кухне чаю. Потом Ленка расстелила нам необъятный диван в большой комнате. А сама отправилась в мамину спальню. По пути шепнув мне: приходи, покувыркаемся. Естественно, как только мои друзья захрапели, я прокрался в соседнюю комнату и... мы покувыркались. Ленка была хоть и неопытной, но ненасытной и выносливой. И очень привязчивой.

Понеслась у нас любовь. Я на выходных приезжал к ней в деревню и иногда оставался ночевать. Когда матери не было дома. Но обычно Ленка после школы садилась на автобус и ехала в Серпухов. Там добиралась ко мне домой, и мы кувыркались. Я учился на последнем курсе техникума. И так

получилось, что снимал комнату в частном доме. И жил в этом доме один. Хозяйка, старенькая-престаренькая старушка, которая несколько лет назад пустила молодого студента жить в пустующую комнату, умерла. И её наследники решили, что пусть уж я доживу в доме до окончания учёбы. Заодно и присмотрю за недвижимостью.

– Только баб в дом не водить, – строго приказали мне родственники.

– Ни за что, – честно ответил я. И через месяц познакомился с Ленкой.

Она приезжала ко мне в четвёртом часу дня. Врывалась в дом, обнимала и, заглядывая в глаза, тянула: покувыркааааемся? И мы кувыркались. Потом она собиралась, бежала на последний семичасовой автобус, чтобы на следующий день вновь появиться на пороге со своим извечным вопросом. В выходные она оставалась на ночь.

Поначалу мне это очень нравилось. Секс каждый день для студента в то время – мечта. Но проблема заключалась в том, что я был не просто студент, а бедный студент. И мой обед обычно состоял из батона белого хлеба и чая. И калорий для сексуальных утех мне уже через пару недель стало катастрофически не хватать. Мне постоянно хотелось жрать, и уже не хотелось кувыркаться. Точнее, хотелось, но сначала было бы неплохо пожрать. Но Ленка этого не замечала. Она приезжала, как электричка, строго по расписанию, и, глядя на меня своими блядскими глазами, тянула: покувыркааааем-

ся? И я, глядя в её глаза, соглашался. Ну как тут можно было отказать?

Всё это продолжалось до одного зимнего вечера, когда Ленка обнаружила, что у нас есть в запасе минут 40, и предложила покувыркаться ещё раз. Но тут я не выдержал. Холодным и решительным тоном я сказал: нет. И потом популярно объяснил, почему нет. Рассказал про белый хлеб, про последний килограмм картошки в подвале и про постоянное чувство голода. Ленка, не перебивая, внимательно меня выслушала.

– Я всё поняла, – сказала она просто и чмокнула меня в щёчку, – я тогда побежала, мне к подруге надо заскочить перед автобусом. А завтра суббота.

И она упорхнула, оставив меня одного. Помахав ручкой на прощанье.

Если честно, я даже обрадовался. Мой истощённый организм требовал отдыха, а учёба требовала немного внимания хотя бы к основным предметам. И ещё были друзья, с которыми я тоже хотел встречаться. Поэтому первое, что я сделал, это сбегал к ближайшей телефонной будке и пригласил двоих приятелей на завтрашний вечер в гости. Чай попить и на гитаре поиграть. Насладиться чисто мужской компанией, так сказать.

Но насладиться мне не пришлось. На следующий день в обычное время на пороге появилась Ленка. В руках она держала два баула. Отодвинув меня в сторону, она прошагала

на кухню и вытащила на божий свет кастрюлю и несколько свёртков. Затем она разогрела мне борщ, пожарила котлеты и заставила всё это съесть. И я съел. И попросил добавки. И получил её.

Я сидел на кухне, гладил свой раздувшийся живот и глупо улыбался.

– А компоот? – протянул, кривляясь.

– Да, да, сейчас, – Ленка нырнула в баул, вытащила из его недр термос и налила что-то в кружку. Это что-то было компотом. Настоящим компотом. С дымком. Из сухофруктов. Я обалдел. Я пил этот компот и прощал Ленке всё. Её глупость, её рассказы про своих деревенских подруг, её неужённую тягу к сексу. Я отпускал ей все грехи. Я был сыт и счастлив. И Ленка это поняла. Она подошла ко мне, поцеловала и протянула знакомое: покувыркааааемся?

– Ща компот допью и пойдём, – пообещал я. Я был готов с ней кувыркаться хоть всю ночь. Тем более, судя по всему, она на ночь и оставалась.

Но только мы разделись в моей спальне, как в окно раздался требовательный стук. Пришли мои два друга, Игорь и Мирон. Пить чай и играть на гитаре, которую я в то время пытался освоить. Пришлось открыть.

Ребята расселись на кухне. Ленка тут же организовала им остатки борща и по котлете. Они жадно набросились на еду. Они были тоже студентами. Но у них не было Ленки.

– Кушайте, пацаны, – сыто бубнил я, поглаживая Ленкину

острую коленку. А она глядела на меня и молча спрашивала: а как же покувыркаемся? Взгляд был красноречивее любых слов.

– Вы это, – сказал я, – как поешьте, гитару настройте пока и прошлый урок повторите. А мне надо с Ленкой кое о чём переговорить. А вы пока поиграйте. Игорёк, ты говорил, новые песни «Машины времени» разучил.

И я нырнул с Ленкой в спальню. Она прижалась ко мне и жарко зашептала:

– Какой ты молодец, а то я уже вся мокрая...

И мы начали кувыркаться. При этом Ленка, как обычно, полностью отключилась от окружающего мира. Было такое впечатление, что все её чувства концентрировались только в одном месте, всё остальное её не интересовало. И, естественно, она не услышала, что вместо блатных аккордов за стенкой просто бессистемно перебирают струны. Но это заметил я. Выглянул из-под одеяла и увидел, что в щели между дверью и стенкой блестит чей-то глаз. Чей именно – Игорька или Мирона – понять было невозможно. К этому глазу скоро присоединился ещё один. Гитара что-то всхлипывала за дверью, а глаза блестели в темноте.

– Вот сволочи, – возмутился я, – совсем оборзели. Ну, я вам сейчас устрою...

И я устроил.

– Жарко мне, Леночка, – прошептал я и сбросил одеяло... Когда я минут через двадцать, кутаясь в халат, вернулся

на кухню, моим глазам предстала следующая картина. Бедная гитара валялась в углу с оборванной третьей струной. Рядом с ней валялся табурет. Два моих друга сидели почему-то на полу с красными физиономиями. По физиономиям тёк пот. Первым очнулся Игорёк.

– Мне пора. Уроки надо сделать, – пробормотал он и ринулся на улицу.

– Так ведь завтра выходные, – попробовал остановить я его.

– Много задали, – оттолкнул меня Игорь и, надевая на ходу пальто, захлопнул дверь.

Мирон продержался минут десять. Он доел борщ, выпил чай. Но когда в комнате появилась Ленка, удовлетворённо позёвывая, он тоже не выдержал. Сослался на внезапно заболевших родственников и отбыл. Отбыл боком, стараясь прикрыть раздувшиеся в районе паха штаны.

– Чего это они? – удивилась Лена.

– Решили не мешать нам, – ответил я, скрыв истинную причину их бегства, – друзья у меня деликатные до ужаса.

– Классные у тебя они, – улыбнулась Ленка и добавила: – Покувыркааааемся?

Кувыркались мы ещё около месяца. Сценарий был один и тот же. Ленка приезжала с торбами. Накрывала на стол, кормила меня. Потом мы занимались сексом. Потом я провожал её на автобус и, умиротворённый, шёл делать уроки или читать книжку. И в принципе, мне это нравилось. Единствен-

ный минус был в том, что нас объединял только секс. Больше ничего. Ни поговорить, ни фильм посмотреть, ни музыку послушать. Она ничем не интересовалась. Вообще.

И я заскучал с ней. Хотя сытая жизнь радовала. И регулярный секс тоже радовал. Но было скучно. Наступала весна, и хотелось любви и взаимопонимания. И я решил порвать с Ленкой. На выходных. Но предварительно сводить её в кино. Тогда как раз в прокат вышел фильм «Любовь и голуби». На него-то я её и пригласил.

Пошли на дневной сеанс. Народу было немного. Билеты, как обычно, взяли на последний ряд. И это была главная моя ошибка. Как только погас свет, Ленка начала приставать ко мне. Лезла целоваться и обниматься. Весь фильм. Отличный фильм, который, однако, я с тех пор на дух не переношу. И всё из-за Ленки.

После сеанса на улице перед кинотеатром я это всё ей и высказал. Что в мире есть много интересного, кроме кувырканий. И что готовит она отлично, но мне нужно ещё что-то для души. Что именно нужно, я не смог толком сформулировать, но Ленка меня поняла. Она заплакала. Поплакала несколько минут, стоя передо мной, уставшим и растерянным. Затем вытерла слёзы, чмокнула в ухо и убежала на автобус.

– Не провожай, – крикнула.

И уехала.

А я остался. Перешёл опять на чай с булкой. Занялся бо-

лее плотно учёбой. Как-никак был последний год моего обучения в техникуме. Наступало время написания диплома. И я решил совместить это самое написание с работой. Устроился на центральный телеграф разносчиком телеграмм.

Работа была непыльная. И, как выяснилось, весьма денежная. Обычно развозить телеграммы отправляли на прикомандированных к телеграфу такси. Каждый день дежурило две или три машины. А посылали отвозить не одну телеграмму, а сразу пачку, по маршруту. И по нормам на каждую телеграмму отводилось 11 минут на доставку. Я был молод и скор, и поэтому развозил все телеграммы в рекордные сроки, сокращая нормативы в два, а иногда и в три раза. Оставшееся время мы с водителем тратили на то, чтобы подвозить пассажиров. Плату за проезд, естественно, брали себе, поделив пополам.

У меня появились деньги. Чай с булкой ушёл в прошлое. Я стал нормально питаться. Мой диплом за скромную плату прилежно писали и чертили две симпатичные тетеньки из конструкторского отдела местного радиоаппаратостроительного завода. Благодаря тому что я разносил телеграммы, проблем со знакомствами с девушками я не испытывал. Наступил месяц май.

Я сидел на пассажирском сиденье Волги, припаркованной около центрального телеграфа, и ждал, когда мне сформируют заказ из кучи телеграмм. Чтобы мы не мотались туда-сюда из-за одной-двух телеграмм, нам обычно подбирали их штук

10-20 в одном районе. И мы с таксистом уматывали часа на три развозить этот пакет поздравлений, извещений о смерти, признаний в любви и просьбах о деньгах.

Стояла жара. Окна в машине были опущены, передние двери открыты. Водитель такси, Василий, разбитной и весёлый мужик лет 30, был сегодня немногословен.

– Случилось чё? – спросил я Василия.

– Уху, – отозвался он.

– Чего?

– Да так, глупость одна, – протянул Василий, – любовницу вчера потерял. А классная была...

– Умерла? – удивился я.

– Бог с тобой, тьфу-тьфу-тьфу, – сплюнул Вася, – ты как скажешь тоже, студент. Жива-здорова.

– Ну а что тогда? – не отставал я.

– Да длинная история, – сказал Василий, – я сам ещё в шоке от произошедшего. Так перед любимой женщиной опростоволоситься.

– Время у нас есть, полно, давай рассказывай, – я был заинтригован, – тем более все живы и здоровы. Колись.

И Василий не торопясь, подыскивая слова и переживая каждый момент, рассказал, что с ним произошло накануне.

А накануне была отличная погода, и его любовница, разведённая и одинокая девушка Маргарита, решила поклеить новые обои в своей комнате гостиничного типа. Обои были чехословацкие, и достала она их по большому благу. Васи-

лий, как истинный джентльмен, решил ей с этим делом помочь.

Отправив жену и детей на дачу, он с утра мотнулся на рынок, купил зелени, баранины, бутылочку молдавского вина. Затем приехал, развёл в тазике клейстер и принялся клеить обои. Маргарита хлопотала на кухне, изредка помогая Васе в поклейке обоев.

За два часа управились. Комната преобразилась. Василий аккуратно сложил обрезки, вылил остатки клея и помог с сервировкой стола. Блюдо с дымящейся бараниной стояло посередине журнального столика. Рядом лежали нарезанный лук, кинза и петрушка. На отдельной тарелке расположились красные помидоры и маленькие колючие огурчики. И над всем этим возвышалась бутылка «Букета Молдавии».

Помыли руки. Сели. Поели. Выпили по одной. За ремонт. И за чехословацкие обои. Вино было какого-то подозрительного вкуса. И совсем без букета. Ну да ладно. Главное – это закуска. Поели ещё. Выпили. На брудершафт. Поцеловались. Ещё выпили. Поцеловались. Прямо на диване занялись любовью.

Было здорово. Светлая красивая комната. Хорошая еда. И рядом Василий. Заботливый и нежный. Маргарита расслабилась. Откинулась на диванные подушки, потянулась и... пукнула. Жутко от этого засмушалась. Покраснела вся. Ну как так – ремонт, любовник, только что обалденный секс, и вдруг пук. Видимо, вино скисло. Василий, видя смущение

подруги, решил её подбодрить.

– Да разве так пукают? – засмеялся он. – Это не пук даже, а так, ни о чём. Вот как надо пукать.

И Василий, подняв правую ногу, поднатужился и пукнул. Но хорошая еда и прокисшее вино сыграли с ним злую шутку.

– Понимаешь, – рассказывал он мне, – до потолка уделал. А обои такие больше не купишь. Нету их в магазине. Не говоря уже о запахе. Ну и говно со стены соскребать – удовольствие то ещё. Она-то мне, конечно, помогла. Но когда я домой уходил, то по взгляду понял, что всё. Женщины не прощают засранцев.

Я корчился от смеха на сиденье, стараясь громко не смеяться. Было жалко Васю. И было смешно. Особенно, когда я бросал взгляды на грустную Васину физиономию. Он был расстроен до глубины души. И искренне переживал.

Я отсмеялся. Успокоился. Из телеграфа позвали. Я вылез из машины. И тут увидел в начале улицы знакомую фигурку. Ленка. С каким-то парнем. Выше меня на две головы. Накачанный. Он шёл, приобняв Ленку, а Ленка ела мороженое. Я склонился к окну машины.

– Вася, – попросил я его, – там моя бывшая. С каким-то фраером. Подыграй мне. Пожалуйста.

Василий в знак согласия прикрыл глаза. Я мгновенно залетел в здание в отдел доставки. На столе меня ждала приличная стопка телеграмм с вложенными в них извещениями.

Тётя Катя попыталась мне рассказать, куда чего везти, но я отмахнулся. Не первый раз и не маленький. Справлюсь.

Спустился к выходу. Вовремя. Неторопливой походкой вышел из здания. Кивнул оторопевшей Ленке. Подошёл к такси. Чёрт. Пачка телеграмм в руке была ни к селу ни к городу. Положил её на крышу машины. Василий предупредительно открыл передо мной дверь. Ленка сделала вид, что ей в туфельку попал камешек. Её спутник бестолково топтался рядом, не понимая, что происходит.

– Вадим Николаевич, куда едем? – громко спросил Василий. – В центральный ресторан обедать или на Оку, может быть. Погода располагает.

Я помедлил. Ленка ожесточённо искала в своих туфлях несуществующие камешки. Василий с непроницаемым лицом ждал моего решения. Качок держал в руке Ленкино тающее мороженое. В небе светило солнце и пели птицы.

– А поехали в Москву, – изрёк я, наконец, – по магазинам прошвырнусь. Заодно и пообедаем.

Сел в машину. Василий захлопнул за мной дверцу и трусцой вернулся на место водителя. Я выставил в открытое окошко локоть и откинулся в кресле. Ленка стояла в одной туфле, качок пытался спасти остатки мороженого и свои штаны, к которым это самое мороженое старалось прилипнуть.

– Гони.

Взвизгнули покрышки, и машина ринулась вперёд. Над

улицей вспорхнули белыми птицами 22 телеграммы и 22 извещения к ним. Листопад в мае – из телеграмм, которые я оставил на крыше Волги и про которые тут же забыл. Проехав несколько метров, Василий ударил по тормозам. Весь квартал за нами был усыпан белыми листочками. Я на негнущихся ногах вылез из машины и бросился подбирать телеграммы. Где-то далеко смеялась Ленка.

Нашёл все 22 телеграммы и почти все извещения, кроме одного. Сбегал обратно на телеграф, попросил тётю Катю выписать новое. Выписала, глянув на меня с жалостью. Свидетелями моего позора было всё отделение. Сел в машину. Сказал Василию ближайший адрес.

– Ну что, пукнул? – хмыкнул он.

– Чего? – не понял я.

– Пукнул перед девушкой? – засмеялся Василий.

– Аха, – я улыбнулся, – уж пёрнул так пёрнул. Прямо как ты вчера. Гони, Василий. Мы и так опаздываем.

И мы погнали развозить телеграммы. Развезли все. Настроение у обоих постепенно улучшилось, хотя я и выслушал пару упрёков в том, что долго их развожу.

Приехали в последний адрес. Новостройка. Лифт, как обычно, по закону подлости, не работает. Бегом поднялся на девятый этаж. Дверь открыла молодая и симпатичная девушка. Лет 17-18. Голубые глаза, русые волосы.

– Аникина Елена. Это вы? Вам телеграмма. Распишитесь.

– Да, это я. Спасибо.

Она расписалась на извещении и протянула мне ручку. Я в ответ поздравительную телеграмму. От родителей. Из квартиры вкусно пахло.

– Девушка, на улице жарко очень, – сказал я, – у вас попить не найдётся? А то так есть хочется, что аж переночевать негде.

– Сейчас принесу, – засмеялась она, да вы проходите, не стойте в дверях.

– Вадим, – представился я, переступив порог.

– Лена, – ответила она.

– Я знаю. Я же вам телеграмму принёс...

Вот так я познакомился с еще одной Ленкой. Но это уже совсем другая история...

Серёжки

Она была учительницей. Нет, не так. Она была преподавателем по классу фортепьяно. В детской школе искусств на Ленинском. 29 лет, небольшого роста, с огромными доверчивыми карими глазами и пухлыми губами. И со стильными очками на курносом носике, как и положено училке. Жила она неподалёку от школы, в двушке, вместе с дочкой и мамой.

Всё это Айдар узнал от приятелей на свадьбе одного своего земляка, куда он был приглашён. Приглашена была и Катя, со стороны невесты.

Папа у Айдара был русский, мама казашка. Поэтому сын родился красивым и здоровым, как обычно бывает в смешанных браках. Было ему уже за тридцать. Он крепко стоял на ногах. Имел небольшой, но постоянный бизнес. Подержанный Лексус. Квартиру в центре – трёшку. И отсутствие хозяйки в этой самой квартире.

А тут Катя. Красивая, беззащитная, доверчивая. Держится особняком. Пьёт только martini. Маленькими глотками, как птичка.

Айдар кружил-кружил над этой птичкой, пока не набрался храбрости. Подошёл, познакомился.

– Ты Брамса уважаешь? – спросил прямо и на ты.

– Да, – улыбнулась Катя, – он мне нравится. Но больше

Моцарта люблю.

Завязался разговор. Вначале про Моцарта, потом про русский рок, про искусство вообще. Айдар разглядывал Катю и видел, что одета она в простенькое дешёвое платьице, бижутерия тоже недорогая. А в ушах висели какие-то алюминиевые серёжки. Стало жалко её. «Такие красивые уши и такие дешёвые серёжки», – подумал Айдар.

Поговорили. Обменялись телефонами. Начали встречаться.

Раз в неделю Айдар подъезжал на своей машине к школе, парковался обычно на одном и том же месте. У окна кабинета директора. Директором в школе искусств была бездетная тётка 60 лет с мужем алкоголиком. Раньше она привечала Катерину, жалела её, что той приходится одной воспитывать ребёнка. Но с появлением Айдара и его Лексуса под окнами кабинета озверела и при каждом удобном случае пыталась хоть чем-нибудь да насолить Кате.

Но Айдар не знал этих тонкостей. Он ставил машину, вытаскивал с заднего сиденья букет роз и нёс их через всю школу в класс любимой. Женский преподавательский состав школы на это время замирал в восхищении и провожал Айдара завистливым взглядом.

Айдар дарил букет, Катя смущалась. Быстренько собиралась, и они ехали к ней домой. Или в кино. Или просто гуляли по городу.

Иногда Катя после уроков сама заезжала к Айдару. Но ни-

когда не оставалась на ночь. «У меня ребёнок», – объясняла она. Он довозил её до дома и ехал обратно, к себе. А иногда он забегал в Катину хрущёвку: помочь по хозяйству, что-то прибить, просверлить или повесить в этом женском царстве. Первое, что он сделал, это поменял смеситель на кухне, который безбожно тёк, обвязанный скотчем и какими-то тряпками. Затем он починил дверь в ванной, потом поменял лампочки на энергосберегающие. И даже собирался сделать в этой квартире косметический ремонт.

Так прошло примерно полгода.

И Айдар решился сделать Кате подарок. Серёжки. Те, которые были у неё, ему категорически не нравились. Обычная бижутерия. А ему хотелось, чтобы у Кати были красивые, необычные.

С этой идеей он пришёл к своему соседу и приятелю Акопу. У того был двоюродный брат в Ереване, ювелир. И не просто ювелир, а мастер, как утверждал сам Акоп. Айдар приволок бутылку казахского коньяка соседу, и они стали думать, какие и из чего сделать эти самые серёжки. Где-то к половине бутылки Акоп включил скайп и привлёк к обсуждению этой темы своего брата, Грайра. Тот глянул в монитор, куда-то пропал, потом появился с бутылкой коньяка, но уже армянского, и предложил сделать серёжки в виде скрипичного ключа.

– Гениально, – выдохнул Айдар, – это то, что надо. А на обратной стороне мои инициалы выгравировешь. Таких серё-

жек ни у кого не будет. Именные. И сколько будет эта красота стоить?

– Надо выбрать материал, размеры, и я завтра скажу цену, – ответил брат Акопа.

Материалом выбрали белое золото. Айдар хотел жёлтое, но Акоп его убедил, что белое в ушах смотрится лучше. Тем более с бриллиантами – так как сами серёжки решили покрыть небольшими камешками. Тут же Айдар получил вводную лекцию про эти самые бриллианты. Какой они чистоты, размеров и огранки бывают. Допили свои коньяки и разошлись.

На следующий день Акоп позвонил Айдару и сказал цену. Две тысячи долларов. Если камни помельче, то полторы.

– Нет, давай за две, – сказал Айдар, – гулять так гулять. Деньги я вечером завезу.

В Ереван полетела смс про более дорогой вариант. И в этот же день там закипела работа. Грайр нарисовал эскиз, затем на компьютере создал 3D модель серёжек. Послал по мейлу эскиз в Питер, получил в ответ очередное «гениально и восхитительно». Брат Акопа усмехнулся и поставил на ночь на специальном 3D принтере выращивать модель серёжек из пластика. К утру она была готова.

Золото для серёжек пошло из двух обручальных колец и части цепочки, которые были куплены у перекупщиков как лом. Бриллианты привёз постоянный поставщик из Амстердама. В Амстердам они попали чуть раньше из Южной Аф-

рики.

Грайр при помощи пластмассовой модели отлил из гипса заготовку. Подождал, когда она высохнет. А затем уже, расплавив золото, вылил его в форму. Полученные серёжки долго обрабатывал, шлифовал и подравнивал, что-то бормоча себе под нос. Ему самому очень нравилось то, что получалось в итоге. Он прикрепил камни. Ещё раз отполировал изделие. Отложил в сторону, полюбовался.

Чего-то не хватало, что-то он забыл. Вспомнил. Достал небольшой приборчик, похожий на бормашинку, и на задней стороне каждой из серёжек выгравировал две буквы: А.Ф.

– Вот теперь всё, – удовлетворённо откинулся он в кресле, – замечательно получилось, девушке понравится.

Через две недели один общий знакомый, летящий из Еревана, привёз небольшую коробочку Акопу, который, в свою очередь, передал её Айдару. Как раз накануне дня рождения Кати, которое она отмечала в тесном семейном кругу: мама, дочка, лучшая подруга Маша и Айдар.

На кухне места не хватило, поэтому расселись в большой комнате на диване и на стульях. Стол был журнальный, поэтому было немного неудобно, приходилось постоянно нагибаться за едой.

«Бедновато живут, – думал Айдар, глядя на скромненькое угощение и на такую же скромную обстановку в комнате, – но ничего, это поправимо».

Мама с дочкой подарили Кате купон на приобретение

книги. Маша – портативный проигрыватель, чтобы слушать музыку где-нибудь в общественном транспорте. Настала очередь Айдара дарить подарок.

Он достал из кармана пиджака коробку и протянул Кате.

– Кольцо, – ахнула Маша, – обручальное.

– Нет, – смутился Айдар, – не кольцо, серёжки.

Катя раскрыла коробку. Два скрипичных ключа сверкнули в её руках. В комнате прошелестел вздох четырёх женщин. Серёжки были великолепны. Они сверкали маленькими бриллиантами, и казалось, что в комнате играет музыка.

Катя примерила серёжки, подошла к зеркалу, ещё раз охнула и убежала на кухню. То ли вытереть слёзы, то ли проверить, не подгорел ли пирог.

Спустя 5 минут на кухню зашёл Айдар.

– Айдар, – спросила Катя, то и дело бросая взгляды на своё отражение в зеркальных кухонных стеллажах, – а это что? Стекло или, неужели, бриллианты? Ты извини, я не разбираюсь в этом.

– Бриллианты, – сказал Айдар и вдруг неожиданно для себя добавил: – Ты выйдешь за меня замуж?

– Да, – просто ответила Катя.

И они крепко обнялись на маленькой кухне и стояли обнявшись до тех пор, пока не запахло подгоревшими пирогами...

А спустя две недели Катя вместе с Машей сидели на той же кухне и думали, что делать с этими серёжками. Маша бы-

ла уже два раза замужем. Имела от каждого брака по ребёнку и считалась женщиной опытной и повидавшей на своём веку практически всё.

– Продай ты эти цацки, – уговаривала она Катю, – ребёнку одежду купишь, а себе сумку. Ты же какую-то себе присмотрела в местном универмаге.

– Да как я их продам? – вяло отбивалась Катя. – Это же подарок. Да и не было у меня никогда такой красоты.

– Я тебя умоляю... – закатывала глаза Маша, – зачем тебе эта красота? Тебе бабло надо. А не брюлики. В бедной одежке ты более выгодно смотришься. На тебя мужики клюют, потому что им тебя одеть поприличнее хочется. А тут ты с бриллиантами. Продай. И даже не раздумывай.

– А что я Айдару скажу? – не сдавалась Катя. – Он же спросит.

– Скажешь, что украли.

– Ага, украли. Он тогда весь город на уши поставит. У него друг в ментовке работает, Вадик. Говорил, что если надо, что угодно разыщет.

– Ну, скажи, что потеряла, – придумала новую версию Маша, – выронила где-то. Он тебе после свадьбы ещё купит. Ты, главное, их потом почаще вспоминай, он и купит. Мужики они такие, сентиментальные.

Катя подумала ещё минут десять, взвесила все за и против, и согласилась. Тем более ей интересно было узнать, сколько стоят такие великолепные серёжки.

На следующий день после работы она зашла в ближайший ювелирный магазинчик, на котором красовалось объявление о скупке золота и изделий из него. За прилавком сидел мужчина неопределённых лет и читал журнал. Катерина поздоровалась и протянула ему серёжки. Мужчина отложил журнал, взял лупу, долго их рассматривал, вертел, смотрел камни, вздыхал, снова вертел в руках то одну, то другую серёжку. Затем небрежно бросил их на прилавок.

– Двести долларов.

– Сколько?! – Катя аж поперхнулась от удивления. – Тут же бриллианты.

– Мы не покупаем камни, – зевнул мужчина, – мы берём золото как лом. Да и не бриллианты у вас вовсе. Обычное стекло. Хорошо отшлифованное. С напылением для придания блеска. Фальшивые у вас бриллианты.

– Да как же так? – расстроилась Катя. – Мне сказали, что это бриллианты, что это индивидуальная работа и таких серёжек нет больше ни у кого.

– Боже мой, – протянул мужчина, – девушка, какая вы наивная. Сейчас такими бриллиантами заполнен весь город. Не верите мне, спросите у кого-нибудь другого. Вам подтвердят, что это стекло. Хоть и хорошо обработанное. Правда, вам официальная экспертиза выйдет дороже этих серёжек. Так что берите деньги и радуйтесь, что цена на золото на этой неделе довольно высокая по сравнению с месяцем назад. Да и золото у вас самой низкой пробы. А то, что на клейме на-

писано, не соответствует действительности. За это, кстати, наказать могут.

– Спасибо за консультацию, – Катя забрала серёжки с прилавка, – а не подскажите, где можно провести экспертизу?

– Да в двух кварталах отсюда, по направлению к центру, мои конкуренты. Хоть у них спросите. Только им не продавайте, несите мне. Они демпингуют и пытаются меня выжить из этого района. Не говорите, что я послал. Они всё равно цену вам занижат. А я честную сумму заплачу. Двести долларов.

Катерина ещё раз поблагодарила мужчину и вышла на улицу. Медленно пошла в сторону центра. В голове стучала мыслишка: «Обманул, сволочь. Пыль в глаза пустить решил бедной дурочке...»

А мужчина в это время покопался в столе, вытянул из его недр допотопную Нокию и быстро набрал номер.

– Аллё, Соломон? Доброго дня, – мужчина откинулся на стуле и приветливо улыбнулся телефону. – Я вот по каком у поводу звоню. Тут ко мне девушка зашла, лохушка местная. Изделие принесла. Работа отличная, с камешками, и золото хорошее. Нет, какой лом? Ты что? Само изделие отличное. Не говоря уже про количество бриллиантов. Да ты увидишь. Она к тебе пошла. Я сказал цену 200 долларов. Предложи поменьше и выкупи максимум за 300. Лады? Как обычно, потом посчитаемся. И не дави на неё. Мне кажется, она нам часто теперь будет золотишко таскать. Нашла какого-то але-

ня. Аха. Жене привет передавай.

Мужчина отложил телефон, подвинул к себе журнал и принялся читать о нелёгкой жизни российских миллионеров. А его собеседник в это время сидел в двух кварталах от него и делал вид, что читает газету. Когда в ювелирную мастерскую вошла Катя, он нехотя отложил газету и спросил:

– Вам чего, барышня?

– Серёжки хочу продать, с бриллиантами, – Катя положила перед Соломоном коробочку.

Соломон вытащил из коробочки серёжки, нацепил на глаз увеличительное стекло и несколько минут придирчиво рассматривал их.

– 150 долларов, – объявил он, закончив осмотр, – это не бриллианты, это стекло. А золото возьму. Как лом.

– А ваш коллега мне 200 предложил, который дальше по улице.

– Он мне не коллега, – нахмурился Соломон, – он жулик. Я вам дам 250 долларов. Выну ваши стекляшки и поставлю настоящие камни. Сотку накидываю за работу, остальное за золото. Идёт? Больше не просите, больше не дам. Только из уважения к вашей молодости и чтобы поставить на место, как вы выразились, моего коллегу.

И Соломон выжидательно уставился на Катерину. Та подумала, помялась и решилась. Для неё сумма в 250 долларов была довольно крупной.

– Только вы их тут не продавайте, – попросила она Со-

ломона, — это подарок. Не хотелось бы, чтобы даритель его увидел.

— Ни в коем случае, — заверил Катю Соломон, — завтра же ваши серёжки с оказией полетят в Алматы. У меня там родственник работает.

Катя взяла деньги, поблагодарила и выпорхнула на улицу. На сумочку ей как раз хватало.

Спустя несколько дней она вместе с Машей, давясь слезами, рассказала Айдару, как они, две дурочки, хвастались этими серёжками. Но не дома, а на мосту поцелуев. Куда зашли, чтобы пройти весь свадебный маршрут, так как Маша была без всяких разговоров назначена подружкой невесты. И на мосту встретили знакомую. Решили ей показать серёжки. Проходящая мимо парочка толкнула Катю, серёжки выпали и утонули. Всё. Катя была безутешна. Маша шмыгала носом и брала всю вину на себя, что это она поволокла бедную девушку по свадебному маршруту. И что это она предложила похвастаться серёжками.

Айдар очень расстроился. Серёжек было жалко. Но он не показал вида. Наоборот, начал успокаивать девушек и пообещал после свадьбы купить похожие. Это же всего-навсего металл и камни. Девушки успокоились, выпили чаю и принялись обсуждать, кого приглашать на свадьбу, а кого нет. Решили, что всё сделают по-скромному: максимум 15 человек, только самые близкие. Тем более у Кати из родственников никого не было, со всеми ними её мама поругалась дав-

ным-давно и отношения ни с кем не поддерживала.

Со стороны Айдара было несколько друзей и родители. Свидетелем согласился стать его друг Вадим.

Накануне свадьбы собрались у Айдара дома. Пришли его родители. Катя с мамой и дочкой. Вадим заскочил на минутку, отчитался по завтрашнему дню и отбыл на работу, ловить преступников.

Пужинали. Попили чаю. Завязался разговор о будущих планах, о свадебном путешествии, о переселении Кати и её дочки к Айдару. Затем, заметно волнуясь, слово попросила мама Айдара.

– Детки мои, – сказала она, я очень рада за вас. И вижу, что вы будете замечательной семьёй. И вижу, что вы красивая и замечательная пара. И что по жизни будете идти рука об руку.

– Айдар нам рассказал про серёжки, – встрял папа в мамину речь, – неприятная, но поправимая история.

– Не перебивай меня, – замахала руками мама Айдара, – вечно ты меня перебиваешь и лезешь вперёд. Не перебивай.

Она шутливо ударила мужа по руке и потом продолжила:

– Я казашка, твой папа русский. Свадьбу вы будете играть по-русски. Даже не по-русски, а по-современному. Но я хочу, чтобы один наш казахский обычай всё-таки был соблюлён. А заключается он в том, что накануне свадьбы мать жениха вешает в уши невесте золотые серёжки, тем самым принимая её в свою семью.

И она достала из своей сумочки платочек, развернула его и выложила на стол серёжки. Два скрипичных ключа сверкнули на столе. Катя охнула. Мама взяла одну серёжку и хотела надеть её Катерине, но Айдар остановил её жестом руки.

– Погоди, мама, не спеши, – сказал он.

Тяжело поднялся, ушёл в соседнюю комнату, где в течение нескольких минут искал лупу, оставшуюся у него со времён, когда он увлекался нумизматикой. Родители поняли, что происходит что-то не совсем приятное, и застыли. Застыла и Катерина. Она побледнела, на лбу появилась испарина. Только маленькая девочка не понимала, что происходит что-то странное, и с увлечением сбивала глупых свиной жирными птицами на планшете. В комнате были слышны только свист и хрюканье.

Наконец Айдар вернулся. Он взял одну серёжку, посмотрел с обратной стороны на неё через лупу, нахмурился. Прodelал то же самое с другой серёжкой.

– И почём ты купила мои серёжки, мама? – спросил он.

Та не ответила. Лишь закрыла рот рукой.

– Полторы тыщи, – отозвался отец, – только нам сказали, что эти серёжки были сделаны для одной известной пианистки поклонником. Но она отказалась их принять, так как замужем и прочая ерунда. Короче, типа символа верности.

– И честности, – невесело усмехнулся Айдар, – и где вы их купили?

– Да рядом с нашим домом ювелирка, ты должен помнить,

там наш хороший знакомый работает, – подала голос мама, – у него ещё родственник здесь живёт.

– Я всё объясню, – прошелестела Катя.

– Не надо, – тяжело вздохнул Айдар, – дверь там, в конце коридора. Захлопните за собой.

Несостоявшаяся тёща одела девочку, взяла за руку Катю и потащила их к двери. Девочка вернулась и, подойдя к Айдару, попросила:

– Можно, я планшетик возьму с собой? Я не доиграла. А завтра верну.

– Нельзя, – ответил Айдар, – завтра мы не встретимся. А планшет тебе мама потом купит.

– Жадина, – сделала заключение девочка и выбежала из комнаты.

Айдар достал портмоне и, несмотря на протесты, отдал родителям деньги за серёжки.

Потом эти серёжки валялись у него в тумбочке рядом с лупой около трёх месяцев. Пока он не наткнулся на них, наводя порядок у себя в комнате.

Достал их. Сел за стол. Долго рассматривал. Любовался переломлением света в камнях, завитками скрипичного ключа. О чём-то вспоминал, то хмурясь, то улыбаясь.

Затем оделся. Вышел на улицу. Пешком дошёл до моста поцелуев. Шёл по мосту и с удивлением смотрел на висячие замки на ограде. За последний год их стало намного больше. Новая мода набирала силу.

Подождал, пока какая-то счастливая пара повесит очередной замочек и покинет мост.

Вышел на середину моста. Достал серёжки.

И уронил их вниз.

В тёмную воду.

Костюм

Фактически она была замужем. Но не жила с мужем уже три года. Он в Киеве, она в Алматы с дочкой Настей и мамой Алевтиной Михайловной. А не разводились, потому что так было удобно дочке ездить к отцу на Украину. Именно так мне объяснила Тонечка Власова своё семейное положение. Да, фактически в браке, практически в разводе. И что у неё с мужем договорённость по поводу семейного статуса. Если кто-то из них захочет развестись, то другой этому препятствовать не будет.

– Ну, раз не будет, тогда отлично, – сказал я и сделал предложение. Руки и сердца. Которое Тонечка благосклонно приняла, пообещав в ближайшее время переговорить с мужем по скайпу и сообщить ему о своём решении выйти замуж за меня. Через неделю, в свою очередь, сообщила мне, что муж в курсе и не очень рад этому. И разводиться не хочет. И поэтому она самостоятельно подаёт заявление в суд. И подала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.